

З. С. КАЗАГАЧЕВА
(Горно-Алтайск)

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ ЭПОСА «МААДАЙ-КАРА»

Современные средства коммуникации — Интернет, мобильный телефон — почти свели на нет эпистолярный жанр в целом, и в научной среде в частности. Поэтому сегодня переписка известных в Якутии и на Алтае фольклористов — Иннокентия Васильевича Пухова (1904—1982) и Сазона Саймовича Суразакова (1925—1980) предстает перед нами как ценнейший исторический документ, запечатлевший определенный этап развития фольклористической науки в Сибири, пример служения её неизблемым принципам, чувство времени в повседневной личной жизни и тепло души двух замечательных сынов якутского и алтайского народов.

В основе нашего историографического исследования лежат письма И. В. Пухова из личного архива его алтайского коллеги. Первое письмо датировано 12 декабря 1956 года, последнее — 29 июня 1979 года. Всего — 32 письма, многостраничные и ёмкие по содержанию. В них подробнейшим образом представлена та огромная, но невидимая со стороны работа, результатом которой явилось первое академическое двуязычное издание алтайского героического эпоса «Маадай-Кара». В письмах отражены все этапы подготовки этой книги, начиная с записи живого звучания эпоса, способов его текстового оформления, принципов перевода, преодоления разногласий в видении каждым автором-составителем материала, представляемого на суд науки, и многое, многое другое.

С чего же все начиналось? В письме акад. В. М. Жирмунского от 28 мая 1958 года, адресованном С. С. Суразакову, изложена одна из главнейших задач эпосоведения: «В ближайшее время мы рассылаем проект инструкции по сборанию, хранению, изданию и переводу эпоса, который будет послан и Вам. Задачи этой инструкции — развернуть собрание, добиться точных (не обра-

ботанных!) записей, точных (не обработанных!) изданий и переводов. Институт мировой литературы проектирует издание целой серии национальных эпосов в точных прозаических (но, разумеется, художественных, а не подстрочных) переводах. Не думаете ли Вы, что было бы желательно, издать собрание алтайского эпоса <...> в старых и новых переводах? [Гацак, Казагачева 1986, 305].

И. В. Пухов в письме от 29 октября 1958 года, сообщая Суразакову о том, что закончил свою работу (полагаем, что речь идет о завершении работы над монографией «Якутский героический эпос олонхо»), пишет: «Думаю, что сравнение олонхо с эпическим творчеством алтайских народов имело бы исключительный интерес. Но мне надо, чтобы Вы помогли мне преодолеть “языковой барьер”». И далее, сообщая о предстоящем совещании фольклористов в Институте мировой литературы, предлагает: «Хорошо бы нам подготовиться и выступить, благо тематика широкая — и теория, и история, и практика собирания, издания и перевода».

Как известно, это совещание состоялось 20 ноября 1958 года. Оно нацелило ученых на высокий уровень исследований [Об основных принципах... 1958]. Ведь в истории фольклористической науки, особенно в 1930—1960-е годы, известны издания по «улучшенным» или «сводным» текстам. Опубликованные в переводах лучших поэтов-переводчиков, они, с одной стороны, несомненно, способствовали популяризации эпоса среди других народов. Но в то же время на основании таких переводов создавались и «научные» концепции. Не случайно А. Т. Твардовский еще в 1960-е годы одному из таких творцов «воссоздания», «пересоздания» былин писал: «...я давний и убежденный противник таких затей <...>. Это все равно, что пытаться превратить, например, разорванную в геологические времена цепь горных отрогов в цельный единый горный хребет или гряду островов, вроде Курильских, в материк. <...> Былины обладают определенной (очень высокой!) художественной ценностью как подлинные произведения устной поэзии, как памятники этого искусства. Искусственное объединение их, а значит присочинение каких-то “связок” и

изъятие каких-то “не монтирующихся” частей — все это не более как фальсификация, хотя бы и с самыми добрыми намерениями и любовью к этой поэзии» [Твардовский 1985, 230—231].

В 1961 году была издана книга С. С. Суразакова «Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае» [Суразаков 1962]. Она состоит из трех частей: «Исследование», «Тексты (в записи на магнитоленте от сказителей трех алтайских этнических групп — А. Калкина, Е. Таштамышевой, Ч. Бутуева)», «Перевод и примечания». Эта книга на долгие годы становится настольной не только для алтайских фольклористов.

В 1964 году специально для издания в серии «Эпос народов СССР» (ныне — «Эпос народов Европы и Азии») Суразаков в присутствии большого числа слушателей записывает в живом звучании героический эпос «Маадай-Кара» от сказителя А. Калкина. «Исполнение сказания каем продолжалось в течение восьми часов, — писал С. С. Суразаков. — Чем дальше сказитель пел, тем более он вдохновлялся, голос становился звучнее. Пропев отрывок примерно в 80—100 и более строк, он обычно делал кратковременную (1—2 минуты) паузу, иногда эти паузы были более продолжительными. В это время и сам сказитель, и его слушатели могли разговаривать между собою, вставлять свои замечания. После паузы сказитель начинал играть на топшуре, затем низким голосом продолжительно тянул звук “о-о” (настраивание голоса), а уже после этого пел каем стихи. Во время этой работы он иногда исправлял отдельные фразы или вставлял упущенные стихи. Объем последней записи составлял 7738 стихов, т. е. значительно больше чем объем первых двух записей» [Маадай-Кара 1973, 445].

С этого момента письма И. В. Пухова, ответственного от сектора фольклора Института мировой литературы за подготовку алтайского тома, отражают все этапы этой работы. В письме от 31 января 1965 года И. В. Пухов пишет о своих первых замечаниях к материалам, подготовленным Суразаковым: «Посылаю биографию Калкина. Мои замечания на полях <...>. Если говорить о биографии, то надо расспросить у Алексея Григорьевича про его встречи с другими

сказителями, что он у них взял, перенял (в репертуаре, технике, отдельные сюжеты, целые сказания). Учите — это момент, который сказители тщательно скрывают или переводят на другие каналы (не говорят о том, что в действительности взято, и сообщают то, что, по их мнению, не имеет значения; поэтому надо вызвать их на максимальную откровенность)».

И. В. Пухов постоянно возвращается к теме биографии сказителя. 25 марта 1965 года он пишет: «В биографии надо основное внимание уделить тому, как А. Г. Калкин учился сказительскому искусству, как созревал в нем мастер-сказитель, как накапливался репертуар.

Здесь же должен быть затронут вопрос о манере его сказывания (это у Вас немного есть) и о том, меняет ли не меняет он перенятые сказания. Вопрос об импровизации в процессе сказывания тоже должен быть затронут».

В письме от 8 мая 1965 года И. В. Пухов пишет: «Биография и репертуар сейчас пойдут». Но 6 июня он объявляет: «Биография сказителя должна иначе излагаться, чем, скажем, биография бухгалтеря». И на 12 страницах мелким, плотным почерком дает скрупулезнейший анализ ранее одобренного им материала. Приводим лишь некоторые выдержки из письма: «Что значит написать биографию сказителя в таком издании, как наше? — пишет он. — Это значит дать научное описание жизни народного певца, которая должна: 1) показать, как певец становится певцом; 2) помочь раскрыть, каким образом произведение древности доходило до нашего времени через века и историю; 3) как живёт, чем «дышит» сказитель, как человек своего времени, что он может внести своего.

На все эти вопросы не может дать ответ одна биография. Но она должна дать по этим вопросам ценнейшие материалы первичного характера, которыми в дальнейшем будут пользоваться исследователи. И чем больше даст биография сказителя материалов на эти вопросы, тем больше будут благодарны исследователи.

Худо, если биография, вместо подачи конкретных добротных материалов из жизни и сказительской практики одного сказителя, породит массу недоумённых вопросов <...>.

На стр. 746—747 Вы толкуете о трёх видах исполнения сказаний: детские рассказы, “просто речитатив”, т. е. пение обыкновенным голосом и кай. Хорошо бы все три вида исполнения несколько пространнее осветить <...>. Среди какой части сказителей практикуются эти способы сказывания? Когда, в каких случаях?

На этой же стр. говорите о крупном сказителе Оспыйнаке, по-видимому, сыгравшем очень большую роль в становлении сказительского искусства Калкина. Между тем, этот Оспыйнак выглядит в Вашем изложении “случайным человеком” <...>. Нет, Вы явно недооценили влияние Оспыйнака на молодого Калкина <...>. Вот бы рассказать о сказывании Оспыйнака (так, как запомнил, запечатлел его в памяти Калкин), об отношении его к своему искусству, о его сказительской практике, о его “достатке”, о том, как он жил материально, чем занимался, какое место в его жизни занимало сказывание, как к нему относились окружающие, народ, т. е. рассказать о жизни, сказительском искусстве и сказительской практике классическ<и> замечательного алтайского сказителя — одного из учителей Калкина — так, каким он представляется ему и каким вырисовывается он из его рассказов в глазах Ваших, как ученого.

<...> Важный и нужный момент, когда сказитель Калкин вдруг отложив топшур, начинает петь обыкновенным голосом. Вы можете думать, что это он от усталости и только, а я знаю, что П. Г. Богатырев (человек, специально занимающийся аналогичными случаями) совершенно другого мнения. Не пренебрегайте тем, что Вам кажется “ясным” и “простым”.

“Отец работал и над постановкой голоса”. Может создаться впечатление о какой-то планомерной работе отца с сыном (тогда как?). Но Вы же отрицаете планомерную, осознанную учёбу и работу учителя с учеником по освоению кая.

Говоря о запоминании различных сюжетов и общих мест, надо рассказать о процессе (о механизме) запоминания алтайскими сказителями сказаний, по крайней мере, так, как мне Вы же раскрывали. Это для Вас ясно, а для других — неизвестно».

Мы привели самую малую толику особо значимых замечаний И. В. Пухова к одной из важнейших частей Приложения. И, как видно, эти замечания с разной степенью полноты были учтены С. С. Суразаковым.

Ещё большую дотошность И. В. Пухов проявляет в своих замечаниях к статье о репертуаре сказителя и к библиографии. В письме от 6 июля 1965 года читаем: «Вновь и вновь читаю “репертуар сказителя” и увы! — со все нарастающим гнетущим настроением <...>. То, что я напишу Вам дальше, Вы не должны воспринять как педантизм стареющего человека. Я ещё в состоянии это преодолеть. Но речь идёт о престиже советской науки». И далее: «В моей книге “Якутский героический эпос олонхо” есть: “Приложение 2. Список использованных олонхо”. Это тоже библиография. Очень прошу ознакомиться с техникой описания записей, изданных сказаний и архивных документов. Из этой библиографии Вы увидите, что и в Якутии не все в порядке. Но нам для своего издания надо сделать максимум возможного».

Все письмо состоит из подробнейшего изложения, как строго документально следует представлять каждый фактический материал — ссылки на издания, на архив. К сожалению, ценные рекомендации, вернее правила, изложенные И. В. Пуховым и по сей день не всегда соблюдаются в существующих изданиях. А потому снова приводим выдержки из его содержательного в этом отношении письма: «Крайне нужно (для Вас это обязательно в данном случае) описать документ, т. е. то, как оформлено сказание: 1) указать количество страниц или листов (если текст написан с обеих сторон листа, то это оговорить); 2) указать формат листа (напр., “формат 30х15 см”, т. е. 30 см. длины и 15 см. ширины; или “формат разный”); 3) указать, как записан: сплошь, стихами или смешанный текст (часть стихами, часть прозой), если написан стихами, то надо указать (хотя бы приблизительно) количество стихов.

Учтите, эти данные очень нужны: они показывают приблизительный объём неизданного материала (что само по себе очень важно) и помогают установить, какой объём поэтического

богатства хранит в своей памяти сказитель — факт первостепенной научной ценности. Будьте спокойны: найдутся такие, которые примутся считать, сколько стихов помнит Калкин. В этих целях хорошо бы дать подсчёт общего количества стихов тех записей, которые уже изданы.

Да, я сделал важное упущение: необходимо и на изданные сказания сначала дать архивный документ (так же точно, как дано это на неизданные) и подсчёт стихов произвести по этому документу. Это очень нужная работа, так как при сокращённом издании и при литературном редактировании существует большая разница в объёме между изданным текстом и неизданным оригиналом. <...>

Если данное сказание издавалось несколько раз, то надо привести все издания (у Вас это, в общем, соблюдается, за исключением хрестоматий, а их не следует исключать, ибо это говорит о степени популярности этого сказания в народе).

Если сказание дано в сокращении или в литературном редактировании, то и это надо оговорить, ибо это будет (помимо указания популярности сказания) подчеркивать достоинство нашего издания, его право на самостоятельное существование».

Приводимые здесь выдержки, полагаю, в достаточной степени создают впечатление, что И. В. Пухов в своих письмах, по существу, представил справочник по подготовке научных изданий по фольклору.

В письмах И. В. Пухова отражена работа над комментариями. Так, 8 апреля 1965 года он пишет о состоявшемся на секторе ИМЛИ обсуждении комментариев и вступительной статьи А. И. Алиевой к адыгским нартским сказаниям, и такой же работы Н. В. Покровской к узбекскому эпосу «Рустамхан». И. В. Пухов пишет: «Из этого обсуждения я вынес впечатления: <...> изложить сюжеты других сказаний, сходных с “Маадай-Кара” (что Вы и делаете), но в отличие от нашей намётки необходимо дать теоретический комментарий (примерно так, как Вы и намечали). <...> Покойная Медина Искандеровна и Мелетинский являются сторонниками информационного комментария <...> я их поддерживал. Но

вижу, что другие мои коллеги <...> дают теоретический комментарий. Я пришел к мысли <...> комментарий должен сочетать информацию с некоторыми теоретическими положениями».

Большое внимание в письмах И. В. Пухова уделено музыкальной части готовящегося тома, очень интересны его вопросы и суждения относительно топшура, под аккомпанемент которого исполняется эпос «Маадай-Кара», и критические замечания к подбору иллюстративного материала.

В переписке двух коллег особое место занимает обсуждение спорных вопросов о принципах перевода эпического текста на русский язык. В письме от 31 января 1965 года И. В. Пухов пишет: «Нельзя согласиться с Вашим представлением о “читабельности”. <...> Вы — переводчик, а не составитель подстрочника. <...> Я считал и считаю (что бы там ни говорили сегодняшние противники), что Ваш перевод “Алтай-Буучая” того же А. Калкина вполне подходит для наших целей. Но в нём намного меньше скобок. В “Маадай-Кара” не без основания, по-моему, говорят, что скобки <...> пугают, их слишком много».

Из письма от 18 марта 1965 года: «А. А. Валитова имеет исключительно серьёзные замечания на перевод “Маадай-Кара”, <...> она считает, что [он] слишком буквален, и в таком виде издавать его нельзя». И далее И. В. Пухов требует, чтобы С. С. Суразаков прибыл в Москву, чтобы совместно работать над рукописью. «Я предложил Вам другой, более справедливый и правильный метод, — пишет И. В. Пухов, — Вы переводите, <...> я редактирую, совершенствую стиль и язык перевода». Видимо, С. С. Суразаков был не согласен с таким предложением. Полагаем, что он поставил для первого ознакомления начальный этап приближения к переводу эпоса «Маадай-Кара». В этом «дословнике», как назвали этот вариант перевода коллеги И. В. Пухова, был намечен основной принцип — максимальная адекватность перевода и оригинала. И в дальнейшем он, придерживаясь этого же принципа, работал над «читабельностью» текста.

О спорах относительно принципов перевода свидетельствует еще одно письмо И. В. Пухова (дата письма не

указана). Он пишет: «Теперь кратко об обсуждении нашей работы. Ваша рукопись прошла через сектор и утверждена к печати на Ученом Совете ИМЛИ. Прошла хорошо. Имеются два крупных замечания: 1) Перевод хороший, но чересчур “буквалистский”. В частности, все возражали, что не следует пытаться воспроизводить на русском языке конструкцию тюркской речи, поэтому надо переводить не строчка в строчку, а фразовыми единицами, по возможности точными, но литературно “читабельными”; 2) отказаться от многих скобок и “раскрыть” их».

Впоследствии будет видно, что С. С. Суразаков до конца придерживался перевода «строка в строку», и в статье «От переводчика» акцентирует свой принцип перевода: «Перевод “Маадай-Кара” не является поэтическим, но это и не подстрочник. Переводчик старался передать на русском языке поэтический смысл сказанного, ни в коем случае не допуская вольности. Переводить текст эпоса, особенно устойчивые поэтические формулы, очень трудно, поскольку в них вжатой и весьма своеобразной форме изображены более сложные картины, чем это может передать любой рассказ. Переводчик старался извлекать из алтайского текста и передать по-русски, в наиболее близком к оригиналу словесном оформлении, самое сокровенное, самую суть народной поэтической мысли» [Маадай-Кара 1973, 62].

Относительно «фразовых единиц» заметим, что позднее этот принцип был применен в переводе эпоса «Маадай-Кара» на английский язык [Madau Qaqa 1986]. В основе перевода — текст на русском языке, который представлен в академическом издании. Просматривается стремление привести каждую фразовую единицу в соответствие с пятистрочными интервалами русского перевода, а значит и оригинала. Если судить по объему — в английском тексте 7730 фразовых единиц, в русском 7738 стихотворных строк — то потери и расхождения незначительны.

В письмах И. В. Пухова поражает буквально ювелирно-скрупулезное отношение к работе, его дотошность до мелочей. Например, в письме от 1 мая 1966 года он пишет: «Я проверил количество строк в описании стойбища Маадай-

Кара по первой записи (перепечатанной Вами же в статье) и установил, что там не 19 строк (как Вы указываете), а 18 строк. Нельзя допускать подобных ошибок!» Поистине в науке нет мелочей! Это придирчиво-требовательное отношение было проявлено ко всем готовящимся материалам Приложения к тому.

В подготовке алтайского тома сошлись «лед и пламень». По-отцовски назидательный, порой не терпящий возражений И. В. Пухов и импульсивный С. С. Суразаков, в силу своей молодости не всегда воспринимавший слова типа «неукоснительно», «незамедлительно», «не бухать» и т. п. Но какие бы интонации ни преобладали в повседневном общении, их объединяло одно: ответственность перед наукой. И они упорно осуществляли главный принцип: **текстологическую надежность** в издании высокохудожественного эпического памятника, и строгую **документированность** всех сопутствующих ему материалов.

В 1973 году после многократного переноса сроков издания вышел в свет героический эпос «Маадай-Кара» [Маадай-Кара 1973]. Запись текста, перевод, статьи о сказителе, его репертуаре, о вариантах и сходных сюжетах, комментарии выполнены С. С. Суразаковым. В содержательной статье И. В. Пухова дана историческая и художественная оценка эпического памятника. Книга включает музыковедческий анализ эпоса, фрагмент нотировки инструментального сопровождения (статья Б. Шульгина). Все это максимально способствовало осмыслению и восприятию эпоса «Маадай-Кара» и причислению его к шедеврам мировой классики. В дальнейшем это издание сыграло основополагающую роль в решении важнейших проблем алтайского эпосоведения.

Задачи особого уровня встали в последнюю четверть минувшего столетия в связи с проведением звукозаписей, осуществлением одновременных фиксаций, развитием в эпосоведении концепции документированных академических публикаций. Проблемы текстологии, научных переводов и комментирования вышли на первый план в науке, культуре и стали неотложными.

Решительное движение к публикациям предельно достоверным и ориентированным на подачу народного язы-

ка, раскрытие поэтической стилистики и искусства исполнения, глубинное комментирование, комплексное осмысление памятников — таковы регламентирующие указания программных документов в подготовке 60-томной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Основные принципы 1982].

В 1997 году в этой серии вышел том «Алтайские героические сказания» [Алтайские героические сказания 1997]. В нем учитывалось не только наличие полной звукозаписи сказаний «Очи-Бала» от выдающегося сказителя А. Калкина и «Кан-Алтын» от не менее талантливых сказителей Т. Чачиякова и С. Савдина — учеников одного учителя-сказителя, но и наличие разновременных записей этих же текстов от этих же сказителей. А именно: 6 разновременных записей «Очи-Бала» с дистанцией между первой и последней записью в 36 лет, 4 записи «Кан-Алтына» с промежутком между первой и последней в 22 года. При наличии такого материала В. М. Гацак специально для алтайского тома разработал текстологические процедуры и правила. Они обобщены в нашей монографии [Казагачева 2002]. Исходной в текстологической подаче явилась публикация «базового» текста с одновременным привлечением (под чертой) текстов из разновременных записей. «Введение в том двух — и трех — разовых фиксаций еще никем не практиковавшихся применительно к изустным сказаниям крупного масштаба, осуществлены в алтайском томе», — пишет В. М. Гацак, отмечая важность такого рода изданий, в которых «эпический текст полнее раскрывается в своей “пучкообразности”, что по-новому освещает проблему эпической памяти» [Гацак 1998, 26—27].

Таким образом, сравнительный анализ на уровне текстовой демонстрации разновременных записей позволяет сделать выводы о «повествовательных возможностях сказителей». Прежде всего, они показывают единую, устойчивую основу каждого сказания. Четко выявляется унаследованное повествовательное русло каждого эпического памятника, в сохранении которого и состоит в первую очередь историческая миссия певцов, их талант и призвание — передать традицию из поколения в поколение в исконной ее конкретности и характер-

ности. В научной периодике отмечено, что алтайский том «поднимает на качественно высокий уровень текстологию эпоса, намного раздвигая масштабы исследовательского анализа современного звучащего эпоса» [Кузьмина 1999, 95].

Литература

Алтайские героические сказания 1997 — Алтайские героические сказания. «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Сказители А. Калкин, Т. Чачияков, С. Савдин; запись З. С. Казагачевой, С. М. Каташева; подг. текстов, перевод, статьи о сказителях, примеч., коммент., словарь, указатель З. С. Казагачевой; вступ. ст. С. М. Каташева; музыковедч. статья и нотн. зап. Ю. И. Шейкина, В. С. Никифоровой; редакторы: Е. Н. Кузьмина (научный аппарат), Р. Б. Назаренко (музыковедческий раздел), С. П. Рожнова (перевод); отв. редактор В. М. Гацак. Новосибирск, 1997.

Гацак 1998 — Гацак В. М. Некоторые новые опыты текстологии фольклора // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия. М., 1998. С. 24—30.

Гацак, Казагачева 1986 — Гацак В. М., Казагачева З. С. Из архива С. С. Суразакова // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Горно-Алтайск, 1986. С. 301—333.

Казагачева 2002 — Казагачева З. С. Алтайские героические сказания. «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Аспекты текстологии и перевода. Горно-Алтайск, 2002.

Кузьмина 1999 — Кузьмина Е. Н. Текстологические заметки о публикациях эпоса народов Сибири в серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность. (Матер. научн. конф.). Горно-Алтайск, 1999. С. 88—96.

Маадай-Кара 1973 — Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. Сказитель А. Калкин / запись текста, перевод и приложения С. С. Суразакова; подготовка текста и вступительная статья И. В. Пухова; отв. редактор Н. А. Баскаков. М., 1973.

Об основных принципах... 1958 — Об основных принципах собирания и научной публикации эпоса народов СССР. М., 1958.

Основные принципы 1982 — Основные принципы подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Улан-Удэ, 1982.

Суразаков 1962 — Суразаков С. С. Героическое сказание о богатыре Алтай-Буучае: Исследование и тексты. Горно-Алтайск, 1962.

Твардовский 1985 — Твардовский А. Т. Письма о литературе (1930—1970 гг.). М., 1985.

Madau Qara 1986 — Madau Qara. An Altay Epic Poem. Translation from the Altay, Introduction and Notes by Ugo Marazzi. Naples, 1986.